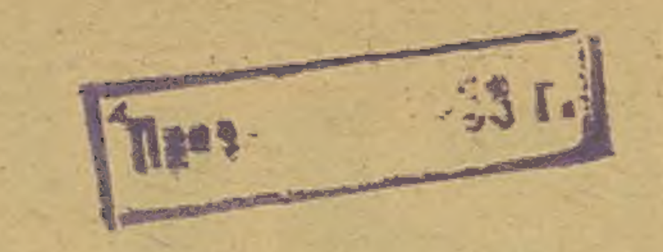
Картины по русской исторіи

изданныя подъ общей редакціей и съ объяснительнымъ текстомъ

С. А. Князькова.

Объяснительный текстъ къ картинѣ № 28.

Москва.
Изданіе І. Кнебель.
1913.

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ, В. Я. Чемберсомъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція С. А. Князькова.

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ, по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1. Жилье восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
2. Торговля у восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
3. Варяги В. М. Васнецова.
4. Христіанство и язычество С. И. Иванова.
5. Судъ во время Русской Правды И. Я. Билибина.
6. Вѣче А. М. Васнецова.
7. Съѣздъ князей С. В. Иванова.

II. Суздальская Русь.

8. Новгородскій торгъ А. М. Васнецова.
9. Баскаки С. И. Иванова.
10. Дворъ удѣльнаго князя А. М. Васнецова.

III. Московская Русь.

11. Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси С. В. Иванова.
12. Святѣйшій патріархъ С. В. Иванова.
13. Боярская дума С. В. Иванова.
14. Земскій Соборъ С. В. Иванова.
15. Въ приказѣ Московскихъ временъ С. В. Иванова.
16. Судъ въ Московскомъ государствѣ С. В. Иванова.
17. Воевода С. В. Иванова.
18. Смотръ служилыхъ людей С. В. Иванова.
19. На сторожевой границѣ Московскаго государства С. В. Иванова.
20. Стрѣльцы С. В. Иванова.
21. Юрьевъ день С. В. Иванова.
22. Площадь въ городѣ Московскаго времени А. М. Васнецова.
23. Монастырь въ Московской Руси А. М. Васнецова.
24. Школа въ Московской Руси Б. М. Кустодіева.
25. Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ А. М. Васнецова.
26. Въ смутное время С. В. Иванова.
27. Во времена раскола С. В. Иванова.

IV. Всероссійская Русь.

28. Въ нѣмецкой слободѣ А. Н. Бенуа.
29. Солдаты Петра Великаго Д. Н. Кардовскаго.
30. Флотъ Петра Великаго Е. Е. Лансере.
31. Засѣданіе Сената Петровскаго времени Д. Н. Кардовскаго.
32. Петербургъ при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
33. Смотръ новиковъ Д. Н. Кардовскаго.
34. Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
35. Петръ Великій В. А. Сѣрова.
36. Императрица Анна и ея дворъ Д. Н. Кардовскаго.
37. Цесаревна Елисавета у Преображенскихъ казармъ 25 ноября 1741 г. Е. Е. Лансере.
38. Выходъ императрицы Екатерины II А. Н. Бенуа.
39. Въ лагерѣ Екатерининск. солдатъ А. Н. Бенуа.
40. Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена В. Я. Чемберса.
41. Утро помѣщика конца XVIII, нач. XIX вв. А. Н. Бенуа.
42. Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ А. Н. Бенуа.
43. Въ разоренной Москвѣ (1812 г.) Д. Н. Кардовскаго.
44. Въ военномъ поселеніи М. В. Добужинскаго.
45. Оборона Севастополя Д. Н. Кардовскаго.
46. Ученіе солдатъ въ Николаевское время М. В. Добужинскаго.
47. Городъ въ Николаевскія времена М. В. Добужинскаго.
48. Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ Д. Н. Кардовскаго.
49. Люди 40-хъ годовъ М. В. Добужинскаго.
50. Освобожденіе крестьянъ Б. М. Кустодіева.

ДОПОЛНЕНІЕ I. На зарѣ исторіи Н. К. Рериха.

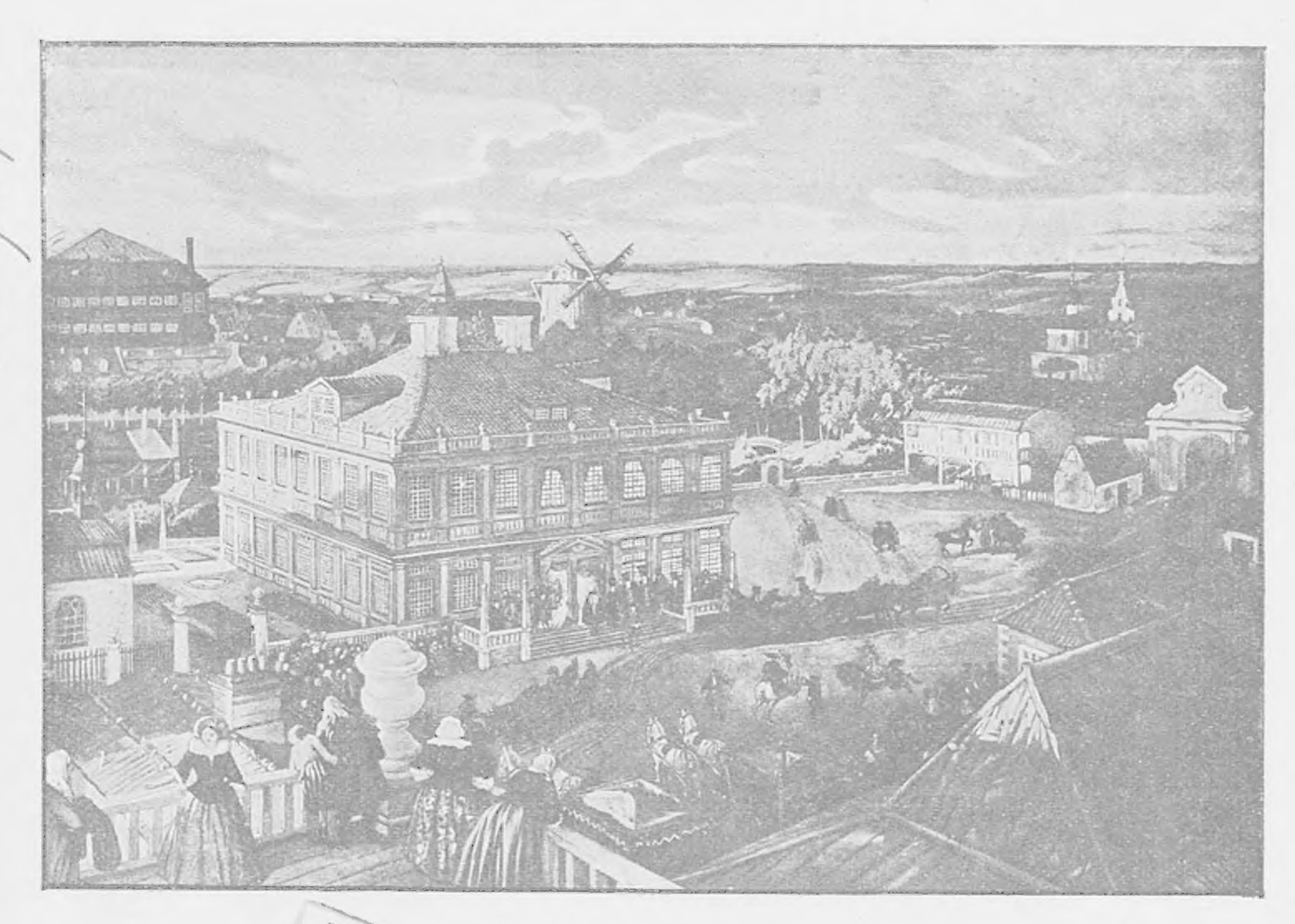
Картины по русской исторіи

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 28.

А. Н. Бенуа. Въ Нѣмецкой слободѣ.

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1912.

Т-во СКОРОПЕЧАТНИ А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
Москва, Тверская, Трехпрудный пер., соб. д.
1913.

Нѣмецкая Слобода.

Передъ нами на картинѣ уголокъ городка, который выросъ подъ Москвой въ XVII в. и былъ такъ не похожъ на старую Москву ни по своему внѣшнему виду, ни по составу населенія! Этотъ городокъ въ Москвѣ называли Кокуемъ, или Нѣмецкой Слободой. Истый старозавѣтный москвичъ не любилъ заглядывать въ эту слободу, гдѣ и люди, и дома, и нравы, и вся жизнь были чужія, «нѣмецкія», еретическія, гдѣ жили нѣмцы, „люторы и кальвины“, гдѣ стояли островерхія нѣмецкія кирки, въ которыхъ служили «нѣмецкіе попы» свои обѣдни; въ слободѣ пахло табачищемъ, этимъ «мерзостнымъ проклятымъ душепогубительнымъ зельемъ», которое, по старому московскому убѣжденію, было сотворено бѣсомъ на смрадное оскверненіе душъ христіанскихъ; по слободѣ ходили простоволосыя «нѣмецкія бабы и дѣвки» въ туго перетянутыхъ платьяхъ - колокольцахъ, разговаривали съ знакомыми нѣмцами, судили и рядили съ мужчинами точно ровни. Странный это былъ міръ на старорусскій взглядъ, но міръ этотъ сталъ нуженъ Московскому государству. Въ Нѣмецкую Слободу сошлись и жили тамъ подъ бокомъ у Москвы, на разстояніи около часа пѣшаго пути отъ самаго Кремля, нѣмцы мастера всякаго дѣла, нѣмцы солдаты и офицеры, нанятые для обученія русскихъ полковъ. Если не простымъ людямъ, то чиновникамъ Московскаго государства постоянно надо было ѣздить въ слободу, либо у себя въ приказахъ принимать нѣмцевъ изъ слободы по всякому великому дѣлу государеву. Сначала русскіе люди очень неохотно ѣздили и ходили къ нѣмцамъ, а когда попадали туда, то старались поскорѣе убраться къ себѣ, въ предѣлы Зем-

ляного города. Завидя на своей улицѣ недоумѣвающую фигуру русскаго человѣка, нѣмцы, и взрослые и малые, окружатъ такого пришельца и, указывая пальцами на странныя для ихъ взгляда одежды, смѣются, подталкиваютъ другъ друга и весело кричатъ: «Смотри! Смотри!» или по-нѣмецки: «Guke mal! Guke»! Вотъ уловивъ это слово Guke, или Kuke русскіе и стали звать Нѣмецкую Слободу Кокуемъ или Кукуемъ.

Но потомъ, съ теченіемъ времени, москвичи привыкли къ своимъ сосѣдямъ и стали смѣлѣе ходить въ слободу. А когда самъ царь Петръ изъ своего сосѣдняго слободѣ Преображенскаго дворца сталъ часто заглядывать въ слободу къ своимъ знакомымъ и друзьямъ нѣмцамъ, съ которыми строилъ свой Прешпурхъ—потѣшную крѣпость на Яузѣ—и снастилъ свой сначала Яузскій, а потомъ Переяславскій флотъ,—русскіе люди всѣхъ чиновъ стали и совсѣмъ своими въ слободѣ. Здѣсь въ домахъ своихъ любимцевъ царь Петръ любилъ устроить пирушку «по нѣмецкому маниру». и за царемъ сюда должны были ѣхать и пировать его бояре.

На картинѣ изображенъ домъ, освѣщенныя ярко окна котораго борятся своимъ свѣтомъ съ первыми лучами наступающаго дня. Пиръ по нѣмецкому обычаю позатянулся долго, и уставшіе бояре съ большой радостью спѣшатъ усѣсться въ свои колымаги, каптаны и кареты, чтобы поскорѣе убраться изъ хмельной гостепріимной слободы домой, на свои дворы, гдѣ давно ихъ ждутъ мягкіе пуховики и давно глаза проглядѣли, смотря на дорогу въ проклятый Кокуй, старые и малые домашніе, особенно старые, сильно не долюбливавшіе такихъ поѣздокъ своихъ родственниковъ и ихъ братанья съ нѣмцами. Но такъ хотѣлъ царь, давно даже переодѣвшійся въ нѣмецкое платье. Покидающіе гостепріимный домъ знатные русскіе облечены еще въ пышное московское платье. По этому признаку можно сказать, что на картинѣ изображена сцена, которая могла происходить до отъѣзда царя Петра за границу, потому что немедленно по пріѣздѣ онъ велѣлъ обрѣзать полы длинныхъ боярскихъ шубъ, велѣлъ своимъ придворнымъ вырядиться по-нѣмецки, обрить бороды и надѣть «собачьи кудри», т.-е. парики, на гладко остриженныя головы. Чрезъ двадцать лѣтъ

послѣ пріѣзда Петра изъ Голландіи старинная русская одежда стала уже маскараднымъ костюмомъ, и дѣти послѣднихъ бояръ рядятся въ дѣдовскія и отцовскія одежды, какъ въ одѣяніе «зѣло куріозное и смѣхотворное». Но пока, въ данное время, къ которому относится сцена, изображенная на картинѣ, старинная пышная шуба и высокая горлатная шапка—сама жизнь, и завидное одѣяніе для тѣхъ, кто не можетъ по своему званію и состоянію облечься въ эти «ризы великихъ людей синклита царскаго».

«Нѣмецкій городокъ» въ Москвѣ—явленіе не такоеу же новое для конца XVII в. О первыхъ поселеніяхъ иностранцевъ въ столицѣ Московіи имѣются извѣстія, относящіяся еще къ XIV в. Въ первой половинѣ XVI в. поселенія нѣмцевъ въ Москвѣ—совсѣмъ опредѣленный фактъ. Герберштейнъ разсказываетъ, что великій князь Василій III завелъ себѣ отрядъ наемныхъ нѣмецкихъ тѣлохранителей, какъ было у польскихъ королей, и отвелъ имъ для поселенія особую слободу Нали, имя, сохранившееся до сихъ поръ въ названіи одного изъ урочищъ Москвы—Наливки—между Полянкой и Якиманкой. Въ 1571 г. крымцы Девлетъ-Гирея выжгли эту слободу. При Иванѣ Грозномъ, начиная съ 60-хъ годовъ XVI в., въ Москву толпами приводятъ «германскихъ» плѣнниковъ изъ завоеванной Ливоніи. Часть этихъ плѣнниковъ разослали по городамъ, а часть, вѣроятно, мастеровъ всякихъ ремеслъ и «художествъ», которыя были нужны правительству и которыя были невѣдомы и недоступны своимъ, поселили въ Москвѣ. Для этого поселка отвели мѣсто по рѣчкѣ Яузѣ на правомъ ея берегу, приблизительно въ $1^1/_2$ верстахъ отъ ея впаденія въ Москву-рѣку. Въ 1578 г. эта Нѣмецкая Слобода подпала подъ гнѣвную руку царя Ивана, раздраженнаго наставшими неудачами въ Ливонской войнѣ, и была выжжена до тла, а населеніе ея частью перебито, частью разогнано. При наслѣдникѣ Грознаго слобода, однако, возникаетъ вновь и начинаетъ прямо процвѣтать при царѣ Борисѣ, который очень внимательно и доброжелательно относился къ иностранцамъ. Въ смутное время нѣмецкая колонія снова была разорена и сожжена и запустѣла на добрые полвѣка. Населеніе ея частью разбѣжалось, частью погибло. Но оставшіеся

и уцѣлѣвшіе, когда Москва стала оправляться отъ погрома, стали селиться въ самомъ городѣ, въ районѣ теперешней Покровки и Чистыхъ Прудовъ, тамъ даже возникли три церкви—одна реформатская и двѣ лютеранскихъ. Такъ какъ приростъ иностраннаго населенія не только не сокращался, а увеличивался, благодаря тому, что правительство, нуждавшееся въ инструкторахъ для арміи и мастерахъ всякаго дѣла, призывало иностранцевъ въ Москву очень усердно, дворы иностранцевъ появились въ самой гущѣ православнаго московскаго населенія—на Тверской, на Арбатѣ, на Сивцевомъ-Вражкѣ. Поселившіеся среди русскихъ иностранцы невольно втягивались въ русскую жизнь: вели знакомство съ русскими, держали русскую прислугу, стали учиться говорить по-русски, носить русское платье, а русскіе стали перенимать кое-что у иностранцевъ и изъ обычаевъ, и изъ одежды—въ Московскихъ рядахъ стали даже торговать иноземной одеждой: значитъ были покупатели. Предпріимчивые, ловкіе мастера и торговцы - иностранцы стали создавать русскимъ купцамъ изрядную конкуренцію, чѣмъ скоро возбудили противъ себя неудовольствіе русскихъ торговцевъ; духовенство, съ своей стороны, было недовольно, что въ городѣ появились иновѣрные храмы, и русскіе люди что-то ужъ очень мирно живутъ съ еретиками-иноземцами—какъ бы порухи вѣрѣ не вышло, какъ бы души христіанскія не погибли, прельстившись «безбожной кальвиновой или люторской ересью». Посыпались жалобы и отъ купцовъ и отъ духовенства, что отъ нѣмцевъ житья не стало. Еще въ 1620 году помѣстный соборъ духовенства предложилъ правительству заставить нечестивыхъ нѣмцевъ воспріять св. крещеніе. Постановленіе это было отмѣнено въ 1667 году, но до этой отмѣны оно дѣйствовало, не очень, правда, усиленно, но все же иностранцевъ заставляли креститься, особенно католиковъ, на которыхъ послѣ смуты, когда католики-поляки чуть не сгубили Московское государство, смотрѣли въ Москвѣ очень недружелюбно.

Въ московскомъ населеніи, которое вообще относилось къ иностранцамъ довольно терпимо или безразлично, образовывается въ средѣ недовольныхъ изъ торгово-промышленнаго міра и духовенства

теченіе, ярко окрашенное ненавистью къ «нехристямъ». Иностранцы разсказываютъ въ своихъ запискахъ, что иноземца, осмѣлившагося показаться на московской улицѣ въ европейской одеждѣ, мальчишки преслѣдуютъ руганью и свистомъ и даже камнями. Заглянувшаго въ церковь иноземца выталкиваютъ изъ храма и подметаютъ за нимъ полъ. Были случаи столкновеній и болѣе серьезные. Олеарій разсказываетъ, какъ шли разъ нѣсколько русскихъ мимо нѣмецкой цирюльни и увидали, заглянувъ въ окна дома цирюльника, который по-тогдашнему, конечно, былъ и лекаремъ, скелетъ человѣка, аккуратно собранный и поставленный въ углу для назиданія паціентамъ и какъ признакъ врачебной учености хозяина. Любопытнымъ прохожимъ представилась такая сцена: цирюльникъ нѣмецъ играетъ на лютнѣ, а кости скелета шевелятся, конечно, колеблемые вѣтромъ, врывавшимся въ открытое окно. Но увидѣвшіе эту сцену москвичи усмотрѣли, что нѣмецъ играетъ на своей бандурѣ, а кости человѣческія пляшутъ. Мигомъ собралась толпа и стала угрожать разносомъ дома. Цирюльникъ былъ схваченъ и отведенъ къ начальству, которое порѣшило выслать его изъ Москвы, а скелетъ сжечь, что и было исполнено. Едва спасся отъ народной расправы одинъ живописецъ, у котораго въ домѣ была усмотрѣна «мертвая голова», т.-е. черепъ. Жалобы со стороны духовенства на то, что̀ иностранцы строятъ свои церкви близко отъ православныхъ храмовъ, чиня тѣмъ поношеніе «вѣрѣ христіанской», что «русскихъ людей у себя во дворахъ держатъ и всякое оскверненіе русскимъ людямъ отъ тѣхъ нѣмецъ бываетъ», вмѣстѣ съ жалобами торговыхъ людей, что нѣмцы у нихъ всю торговлю отбиваютъ, заставили правительство принять рядъ мѣръ противъ «нѣмецкаго засилья». Протестантскія церкви на Покровкѣ и на Чистыхъ прудахъ были снесены, нѣмцамъ было запрещено носить русскую одежду, а русскимъ иноземную, а также «табакъ пить», т.-е. курить, къ чему въ Москвѣ, должно быть, стали привыкать; было запрещено затѣмъ держать нѣмцамъ русскую прислугу и, наконецъ, послѣдовало въ 1652 году распоряженіе выслать всѣхъ иноземцевъ за городскую черту Москвы. Для новаго поселенія иноземцамъ было отведено мѣсто тамъ, «гдѣ были

напредъ сего нѣмецкіе дворы», т.-е. на Яузѣ, только нѣсколько выше прежняго по теченію. Это новое поселеніе и не замедлило выраcти въ ту Нѣмецкую Слободу, которую сталъ посѣщать царь Петръ.

«Непосредственной своей цѣли выселеніе иностранцевъ, — говоритъ П. Н. Милюковъ, — достигло: сліяніе съ русскимъ населеніемъ пріостановилось. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, сила иностраннаго вліянія возросла, такъ какъ теперь подъ самыми стѣнами столицы сформировался иностранный городокъ, съ совершенно особымъ строемъ жизни и быта. До сихъ поръ иностранцамъ грозила ассимиляція съ русскимъ элементомъ въ гораздо большой степени, чѣмъ русскимъ усвоеніе иностранной культуры. Теперь эта культура стала рядомъ, во всей своей неприкосновенности, какъ вѣчно готовый образецъ для подражанія».

Къ концу XVII в., какъ можно судить по превосходной гравюрѣ Де-Витта, Нѣмецкая Слобода представляетъ изъ себя цѣлый городокъ, не уступающій по своему внѣшнему виду среднимъ городкамъ тогдашняго германскаго запада. Это понятно — по образцу иноземныхъ городковъ, она и строилась. По описанію Е. П. Карновича, сдѣланному въ соотвѣтствіи съ гравюрой Де-Витта, Нѣмецкая Слобода конца XVII и начала XVIII вв. состояла изъ большихъ по тому времени, каменныхъ двухъ и даже трехъэтажныхъ домовъ съ выбѣленными наружными стѣнами, съ красными черепичными кровлями, съ достаточно большими и частыми окнами, балконами и террасами, выходившими въ сады и палисадники, въ которыхъ, кромѣ обыкновенныхъ и плодовыхъ деревьевъ, виднѣлись еще и цвѣтники среди правильно расположенныхъ аллей подстриженныхъ деревьевъ; въ садахъ были устроены фонтаны, вырыты пруды съ затѣйливыми мостиками. Сады и палисадники были огорожены не простыми досчатыми заборами и частоколомъ или попросту плетнемъ, какъ это было въ самой Москвѣ, но рѣшетками, составленными изъ точеныхъ балясокъ или досокъ съ узорчатыми прорѣзами. Кромѣ садовъ, были у нѣмцевъ и огороды, въ которыхъ разводились такіе овощи и зелень, которые вовсе не были извѣстны русскимъ. Такъ, цѣлыя гряды были засѣяны

салатомъ разнаго сорта, что̀ подавало русскимъ поводъ къ насмѣшкамъ надъ нѣмцами, которые-де, точно коровы, ѣдятъ сырую траву. Улицы были частью съ каменною, булыжною, частью съ деревянною мостовой; по сторонамъ онѣ были окопаны канавами для стока воды, и съ проложенными для пѣшеходовъ дорожками, обсаженными деревьями. Небольшіе деревянные домики, встрѣчавшіеся въ перемежку съ каменными домами, были поставлены на кирпичныхъ фундаментахъ, снаружи были обиты тесомъ и окрашены въ свѣтлую краску, окна были снабжены зелеными ставнями; домики эти весело блестѣли на улицу своими чисто промытыми окнами, на которыхъ внутри висѣли кисейныя занавѣски, а на подоконникахъ стояли цвѣты въ горшкахъ. Тротуары передъ домиками были начисто выметены и посыпаны пескомъ.

Характеръ жизни улицы тоже во многомъ отличается отъ характера жизни московскихъ площадей и улицъ. Оживленія, шума было довольно и тутъ и тамъ. Но въ Москвѣ улица мало выражала характеръ жизни населенія, въ Москвѣ улица была просто дорога, по которой обыватели ходили куда кому нужно по дѣлу, поскорѣе пробѣгали, чтобы заняться дѣломъ или весельемъ тамъ, куда влекло, и всегда собирались въ домѣ —у знакомыхъ, въ храмѣ, въ царевомъ кабакѣ, въ приказной избѣ; улица была, значитъ, въ Москвѣ только извѣстной необходимостью, которой каждый обыватель пользовался для себя, при чемъ у него не могло возникать какихъ-либо желаній украсить или даже просто держать въ чистотѣ свою улицу. Въ Нѣмецкой Слободѣ не то—тамъ улица не только необходимое удобство, но и извѣстное средоточіе общественной жизни. Въ Москвѣ улица грязная и извилистая, тянется безъ конца среди безконечныхъ оградъ и заборовъ, потому что московскій человѣкъ, не любя улицы, и домъ свой пряталъ отъ улицы, ставя его обыкновенно въ глубинѣ двора. Иноземецъ любитъ улицу, и его жилище всѣми своими окнами смотритъ на улицу; дома иноземцевъ, выровнявшись въ рядъ, точно соперничаютъ въ томъ, какой изъ нихъ составляетъ лучшее украшеніе родного города. Все это дѣлало улицу Нѣмецкой Слободы живѣе и привѣтливѣе московскихъ пыльныхъ лѣтомъ, грязныхъ осенью и весной, зане-

ненныхъ сугробами снѣга зимой, московскихъ улицъ, переулковъ и тупиковъ. Московская улица, занятая людьми, спѣшащими по дѣлу, не манила обывателя на свой просторъ изъ-за высокаго тына или забора его дома. Улица Нѣмецкой Слободы жила не одной только дѣловой суетой. Дѣловая она была днемъ, когда по ея улицамъ громыхали тяжело нагруженные возы всякаго товара, преимущественно сырья, купленнаго въ Москвѣ и направляемаго въ склады иностранныхъ факторій; днемъ проходили по улицамъ слободы съ барабаннымъ боемъ отряды солдатъ, направлявшіеся въ поле для упражненій въ военномъ дѣлѣ, проѣзжали посланные изъ Москвы, и шли слобожане, направляясь по вызову изъ дворца или какого-нибудь приказа въ столицу.

Зато вечеромъ, когда московскія улицы готовились быть замкнутыми цѣпями и начинали уже оберегаться караулами, улица Нѣмецкой Слободы оживала иной жизнью, не похожей на дневную дѣловую суету. Вечерняя пора, особенно въ погожее время года, была въ слободѣ временемъ, посвященнымъ прогулкѣ и отдыху. Тогда по улицамъ разъѣзжали всадники на добрыхъ коняхъ, одѣтые въ короткіе колеты съ накинутыми на плечи епанчами, въ маленькихъ беретахъ или въ широкополыхъ войлочныхъ шляпахъ съ перомъ на головахъ. Лихо подбоченясь, упершись лѣвой рукой въ бокъ, гдѣ свѣшивалась длинная шпага-рапира съ рукояткой «коробомъ», иногда превосходно вычеканенной изъ мѣди или серебра, всадники разъѣзжали взадъ и впередъ, поглядывая на пѣшеходовъ, заглядывая въ расписныя кареты и фаэтоны, запряженные лошадьми въ иностранномъ уборѣ. Въ этихъ нарядныхъ экипажахъ выѣзжали на прогулку зажиточные негоціанты со своими семьями. Всадники были большею частью изъ иноземнаго офицерства, нанявшагося на московскую службу. Тротуары по обѣимъ сторонамъ улицы тоже были полны народу; здѣсь гуляли тѣ, кто не имѣлъ своихъ выѣздовъ или предпочиталъ прогулку пѣшкомъ. Тутъ были и почтенные старики въ черныхъ кафтанахъ, важно раскланивавшіеся со знакомыми и останавливавшіеся для короткой бесѣды и привѣтствій. Молодые люди въ разноцвѣтныхъ кафтанахъ нѣмецкаго покроя, въ чулкахъ, туго натянутыхъ на мускулистыя

ноги, въ треугольныхъ шляпахъ на головахъ, посматривали на мѣстныхъ красавицъ или, взявъ шляпу подъ-мышку, усердно ухаживали за знакомыми барышнями, которыя выступали здѣсь же и однѣ и подъ надзоромъ маменекъ, одѣтыя въ туго зашнурованныя платья, затѣйливо отдѣланныя оборками, бантами, кружевами. Молодые люди весело и непринужденно разговаривали, смѣялись, шутили другъ съ другомъ.

Изъ оконъ перетоваривались съ проходившими знакомыми тѣ, кто предпочиталъ не двигаться въ толпѣ по улицѣ. И тутъ тоже женщины и мужчины нисколько не стѣснялись подолгу разговаривать стоя на улицѣ, подъ окнами.

По временамъ проходилъ по слободѣ спѣшившій къ больному докторъ, одѣтый въ черный испанскій костюмъ, усвоенный тогда всѣми врачами въ Европѣ, съ большимъ круглымъ, обходящимъ около всей шеи бѣлымъ накрахмаленнымъ и сложеннымъ въ мелкія складки полотнянымъ воротникомъ, такъ что голова человѣка казалась точно лежащей на этомъ блюдѣ. Тутъ же шелъ «медленно и важно посиѣшая», пасторъ, въ черной сутанѣ съ бѣлымъ воротничкомъ и въ четыреугольной бархатной шапочкѣ на головѣ, стриженый, съ гладко выбритымъ лицомъ, совсѣмъ не похожій по всему своему облику на русскаго священника. Не видно было на улицахъ Нѣмецкой Слободы монаховъ, монашенокъ; нищіе, калѣки, юродивые тоже были незнакомымъ слободѣ явленіемъ, потому что чуть ли не при самомъ основаніи иноземнаго населенія тамъ были устроены больница и богадѣльня. Были въ слободѣ училище при церкви и, кажется, даже театръ.

Слобода представляла изъ себя, однимъ словомъ, уголокъ Европы, выросшій подъ самой Москвой. При стремленіи Москвы XVII в. завести у себя европейскую технику, промышленность, ремесло, всякое европейское знаніе—матеріальнаго, правда, свойства,—въ укладъ московской жизни должно было вольно и невольно проникать и все то, что дѣлало европейскую жизнь удобнѣе и спокойнѣе, а вмѣстѣ съ этими матеріальными благами должно было стать на очередь усвоеніе Москвой европейскаго знанія, культуры, образованности не съ одной только прикладной

стороны, а въ смыслѣ началъ цивилизующихъ. Такъ оно и было. Но очень преувеличивать культурное воздѣйствіе Нѣмецкой Слободы на Москву XVII в. не слѣдуетъ. Въ Нѣмецкую Слободу стекались люди, въ массѣ далеко не стоявшіе на высотѣ европейской культурности. Это были по большей части авантюристы, любители легкой наживы, а часто и люди, которымъ не совсѣмъ удобно и небезопасно стало жить у себя дома по причинамъ характера полицейскаго. Не мало было тутъ и шарлатановъ, умѣвшихъ искусно и не всегда чистыми средствами пользоваться невѣжествомъ московитовъ, чтобы дорогою цѣною продать имъ свои, довольно по существу дешевыя иногда, способности и услуги. Люди этого сорта доставляли слободѣ дурную славу не только въ Москвѣ, но и за границей. Пользуясь даннымъ служилымъ иноземцамъ отъ московскаго правительства правомъ курить вино и варить пиво безпошлинно, такіе иностранцы устраивали притоны, куда заманивали московскихъ гулякъ и обирали ихъ тамъ обыкновенно путемъ нечистой игры съ подвыпившими московитами въ зернь, т.-е. въ кости, и даже въ карты.

Этотъ элементъ населенія слободы — неизбѣжное явленіе среди добровольцевъ-цивилизаторовъ, попадающихъ въ малокультурныя страны съ однимъ желаніемъ: поскорѣе всѣми правдами и неправдами нажиться и уѣхать домой. Но главную массу населенія слободы они, конечно, не составляли. Основное ядро населенія Нѣмецкой Слободы составляли люди, мастера разнаго рода спеціальностей, которыя не были извѣстны въ Москвѣ, но которыя были нужны государству или государеву двору. Сначала въ населеніи слободы преобладали люди, въ мастерствѣ и знаніяхъ которыхъ нуждался дворъ. То были доктора, аптекари, мастера золотого и серебрянаго дѣла, «органные игрецы», живописцы, фокусники и т. п. Для нуждъ государственныхъ требовались, вызывались въ Москву и селились въ Нѣмецкой Слободѣ переводчики, нужные посольскому приказу, оружейники, пушкари, инженеры, техники, даже кораблестроители, когда правительство царя Алексѣя задумало завести свой военный флотъ на Волгѣ и Каспіи. По собственной охотѣ пріѣзжали въ Московское государ-

ство и поселялись въ слободѣ торговые люди, — вотъ, собственно и всѣ разряды людей, которые составляли населеніе Нѣмецкой Слободы. Сначала преобладала въ этомъ населеніи мирная, такъ сказать, штатская часть. Но когда московское правительство, предпринявъ переустройство своей военной силы на европейскій образецъ, стало усиленно выписывать на русскую службу офицеровъ и солдатъ-инструкторовъ съ Запада, перевѣсъ въ населеніи слободы получили люди военные, и уже къ 1665 году изъ общаго числа составлявшихъ слободу 204 дворовъ, военнымъ принадлежитъ 146 дворовъ, тогда какъ людямъ торговымъ и мастерамъ всего 43 двора. Общее число населенія слободы въ это время могло быть никакъ не менѣе 1500 человѣкъ, а по всѣмъ вѣроятіямъ, было и больше, доходя до 2000. Къ концу XVII в., т.-е. ко времени Петра Великаго, эта цифра должна была по меньшей мѣрѣ удвоиться, такъ какъ пріѣздъ иноземцевъ въ Россію не только не ослабѣвалъ, но замѣтно возрасталъ.

Племенный составъ слободы былъ очень разнообразенъ: тутъ обитали и нѣмцы, и голландцы, и англичане, и шотландцы, и французы-протестанты. Все это жило вперемежку, общей жизнью, невольно соединившей заброшенныхъ въ далекую Московію чужеземцевъ въ одно общество и для дѣла, и для выгоды, и для веселья. Подлѣ дома иноземнаго генерала шотландца Гордона или генерала Лесли, жилъ нѣмецкій гость Даніель Гартманъ, далѣе былъ домъ доктора Кинауса, золотыхъ дѣлъ мастера Монса, вестфальскаго уроженца, плотника Брандта, а тамъ опять возвышался домъ генеральши Гамильтонъ и т. д.

Сословныя различія нисколько не разъединяли этихъ людей. Въ слободѣ были очень въ ходу вечернія собранія, на которыя безъ чиновъ сходились всѣ знакомые. Старики и важные люди собирались въ отдѣльномъ покоѣ и сидѣли здѣсь, покуривая трубки и попивая заморское вино и слободское пиво, а молодежь отвоевывала себѣ залъ по-просторнѣе и до упаду танцовала; эти собранія и вечера заканчивались иной разъ въ два и три часа утра, начавшись иногда въ пять часовъ вечера. Не все и не всегда на этихъ собраніяхъ проходило мирно, случались ссоры, драки, даже

смертное убійство. Но это было рѣдкимъ явленіемъ. Въ обстановку жизни, сложившейся въ Нѣмецкой Слободѣ, попалъ по пятнадцатому году своей жизни молодой царь Петръ Алексѣевичъ. Давно уже онъ присматривался къ «чуднымъ нѣмцамъ». Штабъ-квартира его потѣшныхъ полковъ, которые и организовались-то при помощи вызванныхъ изъ слободы нѣмцевъ, находилась рядомъ съ Нѣмецкой Слободой. Петръ скоро сталъ частымъ гостемъ въ слободѣ и усерднымъ посѣтителемъ нѣмецкихъ вечеринокъ и собраній. Тамъ онъ скоро вошелъ во вкусъ веселой жизни; за стаканомъ пива или вина онъ бесѣдовалъ съ почтенными нѣмцами, танцовалъ и веселился съ молодежью, и въ этомъ общеніи постепенно слетали съ него узы старо-московскаго обихода и воспитывался вкусъ къ европейскому образу жизни. Въ лицѣ веселаго швейцарца Франца Лефорта Петръ нашелъ себѣ друга по душѣ, съ которымъ много бесѣдовалъ. Видавшій на своемъ вѣку виды, перенесшій не мало всякихъ приключеній, Лефортъ многому, такъ сказать, съ голосу, научилъ царя и былъ вѣрнымъ пособникомъ ему въ трудные годы борьбы молодого царя съ сестрой. Сошелся Петръ и со старикомъ Патрикомъ Гордономъ, командиромъ иноземныхъ полковъ, опытнымъ, знающимъ свое дѣло, генераломъ. Такъ что не одно веселье, но и дѣло, большое дѣло непосредственнаго знакомства молодого царя съ западными людьми, а стало быть и съ западнымъ міромъ, получалось, благодаря постоянному общенію царя съ людьми Нѣмецкой Слободы. Это знакомство и личное, непосредственное ощущеніе самимъ царемъ матеріальнаго и культурнаго превосходства Запада надъ Московіей является, быть можетъ, самымъ важнымъ дѣломъ Нѣмецкой Слободы въ исторіи Россіи. Въ Нѣмецкой Слободѣ Петръ усвоилъ себѣ мысль о необходимости самому поѣхать за границу, чтобъ узнать западную жизнь тамъ, гдѣ она живетъ полной исторической жизнью. Эта образовательная поѣздка Петра, внушенная ему Лефортомъ, положила основаніе усиленному Петровскому европеизированію Россіи и превращенію ея изъ царства Московскаго въ имперію Всероссійскую. Первый шагъ къ этому былъ сдѣланъ Петромъ изъ Нѣмецкой Слободы.

Картины по географіи Россіи.

27 художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы исполнены художниками **А. А. Чумаковымъ, Е. И. Ягужинскимъ, Н. Клодтомъ, А. Чириковымъ.**

Объяснительный текстъ и редакція **А. А. Борзова.**

I серія.	Цѣны.	II серія.	Цѣны.
12 картинъ	9 р. — к.	15 картинъ	11 р. 25 к.
12 картинъ, накл. на кож. бумагѣ	10 » 80 »	15 картинъ, накл. на кож. бумагѣ	13 » 50 »
12 картинъ, накл. на полотнѣ.	15 » 60 »	15 картинъ, накл. на полотнѣ	19 » 50 »

Каждая картина отдѣльно	— р. 85 к.
Каждая картина, накл. на кожан. бумагѣ	1 » — »
Каждая картина, накл. на полотнѣ	1 » 40 »
Объяснительный текстъ къ серіи I	— р. 50 »
» » » » II	— » 60 »

I серія. Европейская Россія.

1. Черноземное великорусское пространство.
2. Малороссія (лѣвобережная).
3. Новороссійскія степи.
4. Полѣсье (Пинское).
5. Южный берегъ Крыма.
6. Поволжье среднее.
7. Московскій Промышленный районъ.
8. Озерный край.
9. Уралъ.
10. Прибалтійскій край.
11. Мезенская тундра (зимой).
12. Мурманское побережье.

II серія. Окраины Россіи.

1. Финляндія.
2. Привислинскій край.
3. Главный хребетъ Кавказа.
4. Черноморско-Кавказкое побережье.
5. Киргизская степь.
6. Горный Туркестанъ.
7. Памиръ.
8. Западно-Сибирская тайга.
9. Алтай.
10. Озеро Байкалъ.
11. Забайкалье.
12. Амурскій край.
13. Камчатка.
14. Полярное море.
15. Печерскій край (на Ухтѣ).

Изверженіе вулкана. Одна большая таблица въ краскахъ, размѣромъ 75×105 см., съ объяснительнымъ текстомъ *А. А. Борзова.* Ц. 1 р.

Основн. понятія геогр. Шрейбера. 1 большая таблица въ краскахъ, 92×123 см. Цѣна 1 р. 50 к.

20 картинъ по физич. географіи. Русское изданіе извѣстныхъ нѣмецкихъ картинъ Шрейбера, рекомендованныхъ С.-Петербургскимъ Подвижнымъ музеемъ, 20 раскрашен. картинъ 34×43 см., всѣ вмѣстѣ въ обложкѣ 2 р.

Кунертъ-Лейпольдтъ. Карты.

Карта восточнаго полушарія наподобіе рельефной. Нѣмая. Физико-политическая. Съ границами, обозначенными красной краской. 2 русское изданіе, просмотрѣнное *Ю. М. Шокальскимъ.* Масштабъ 1 : 12.000.000. Размѣръ 175×185 см. Цѣна 7 р. 20 к.

Карта западнаго полушарія наподобіе рельефной. Нѣмая. Физико-политическая. Съ границами, обозначенными красной краской. 2 русское изданіе, просмотрѣнное *Ю. М. Шокальскимъ.* Масшт. 1 : 12.000.000. Размѣромъ 175×185 см. Цѣна 7 р. 20 к.

Карта Европы наподобіе рельефной. Нѣмая. Физико-политическая. Съ границами, обозначенными красной краской. 2 русское изданіе, просмотрѣнное *Ю. М. Шокальскимъ.* Масшт. 1 : 3.000.000. Размѣромъ 165×185 см. Цѣна 9 р.

Карта Азіи наподобіе рельефной. Нѣмая. Физико-политическая. Съ границами, обозначенными красной краской. Русское изданіе, просмотрѣнное *Ю. М. Шокальскимъ.* Масшт. 1 : 6.000.000. Цѣна 9 р.

Карта Сѣверной Америки наподобіе рельефной. Нѣмая. Физико-политическая. Съ границами, обозначенными красной краской. Масштабъ 1 : 6.000 000. Разм. 170×170 см. Цѣна 8 р.

Карта Южной Америки наподобіе рельефной. Нѣмая. Физико-политическая. Съ границами, обозначенными красной краской. Масштабъ 1 : 6.000.000. Разм. 150×170 см. Цѣна 8 р.

Карта Австраліи наподобіе рельефной. Нѣмая. Физико-политическая. Съ границами, обозначенными красной краской. Масшт. 1 : 12.000.000. Размѣръ 158×195 см. Цѣна 8 р.

Печатается и въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ такая же, полная научнаго значенія, карта Африки.

Сидовъ-Габенихтъ. Европа. Оро-гидрографическая стѣнная учебная карта. Русское изданіе подъ редакціей *А. Баркова.* Масштабъ 1 : 3.000.000. Размѣръ 200×167 см. Цѣна 7 р 20 к.

Карта Сѣвернаго звѣзднаго неба. Размѣромъ 103×117 см. На картѣ обозначены звѣзды до 5-й величины включительно. Цѣна 3 р.

Глобусы Гросманъ и Кнебель.

Луценко Е. Е. Земной глобусъ, 15 см. въ діаметрѣ, съ вертикальной осью. Цѣна 1 р. 50 к.

Тоже, съ наклонной осью. Цѣна 1 р. 75 к.

Тоже, съ градуированнымъ полумеридіаномъ. Цѣна 2 р. 85 к.

Чефрановъ С. В. Земной глобусъ, 25 см. въ діаметрѣ, съ вертикальной осью. Цѣна 3 р.

Тоже, съ наклонной осью Цѣна 3 р. 75 к.

Тоже, съ градуированнымъ полумеридіаномъ. Цѣна 5 р.

Тоже, съ часовыми кругами, астрономическимъ кругомъ, мѣднымъ градуированнымъ полнымъ меридіаномъ и компасомъ. Цѣна 12 р. 25 к.

Народы Россіи. 24 худож. исполн. стѣнныхъ таблицы въ краскахъ, разм. 60×45 см., редакція и объяснительный текстъ *Н. А. Янчука.* Цѣна таблицамъ въ бумажной папкѣ 6 р. Объяснительный текстъ 40 к.

Изобр. челов. расъ, Кирхгофа. 12 таблицъ, 65×85 см. съ черными литографскими портретными изображеніями различныхъ человѣческихъ народностей. Цѣна 6 р. 60 к. Объяснительный текстъ на русскомъ языкѣ 20 к.

Человѣческія расы Мейнгольда. 1 таблица въ краскахъ, 91×65 см., изображающая 5 расовыхъ головъ 1 р.

Полный иллюстрированный каталогъ учебныхъ пособій высылается за четыре 7-коп. марки.

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія,приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*" и „*Дворъ удѣльнаго князя*".

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ" государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*" и „*Расколъ церкви*". Картина 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ—взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великого, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всеросійсской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

картины, которыя очерчивают главнѣйшія изъ реформъ ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и ука реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризу какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фаво посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): *„Выходъ императрицы Екатерины II“*, *„Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ“*, *„Дворянское собраніе при Екатеринѣ II“*, *„Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.“*.

Картина (42) *„Вахтпарадъ императора Павла I“* характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ определяющее внѣшнее событие того времени—1812 г., рисуя *разорені Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), *„Декабристы“*, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46—*„Ученье рекрутъ въ Николаевское время“*.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая *„Городъ Николаевскихъ временъ“*, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина *„Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ“* (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ, съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) *„Люди 40-хъ годовъ“*.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

Т-во скоропеч. А. А. Левенсонъ, Москва